

**ДУШЕВНАЯ ЖИЗНЬ ГЕРОЕВ РОМАНА «БЕДНЫЕ ЛЮДИ» Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО:
ЭМОЦИИ – ВПЕЧАТЛЕНИЯ – ВООБРАЖЕНИЕ – ИДЕИ**

Макаричев Ф. М.

Военный институт железнодорожных войск и военных сообщений военной академии
МТО им. Генерала армии А. В. Хрулева (Санкт-Петербург, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0811-2034>

Макаричева Н. А.

Санкт-Петербургский государственный экономический университет (Санкт-Петербург, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0218-825X>

А н н о т а ц и я . Изображение внутренних переживаний героев – важный аспект творчества Ф. М. Достоевского-художника и психолога. Однако в достоевистике внутренний мир героев писателя никогда ранее не рассматривался с точки зрения взаимосвязанности эмоций, впечатлений и воображения, что определяет новизну исследования и делает востребованным герменевтический метод.

Душевные движения героев Достоевского подчиняются определенной парадигме: эмоции – впечатление – воображение – мысли. В ряде случаев, когда речь идет о таком типе, как герой-идеолог, это может привести к порождению идеи, ее эмоциональному переживанию на новом уровне и подчинению героя собственной идее, вплоть до одержимости ей. Душевные переживания героев, их эмоции и содержание идей включают оценочный элемент, а значит, в перспективе могут быть рассмотрены с точки зрения аксиологии.

Цель представленной работы – на основе анализа романа «Бедные люди» проследить, как изображается душевная жизнь главных героев: эмоциональная рассогласованность Макара Девушкина и Вареньки, впечатлительность каждого из них и особенность работы воображения, стимулированная эмоциями. Варенька в большей степени сосредоточена на переживаниях о собственной судьбе в настоящем и прошлом. Макар Девушкин имеет «слишком доброе сердце», и поэтому более эмоционально отзывчив к переживаниям другого человека, чем Варенька. Поэтому он не воспринимает горе другого – Горшкова или Вареньки – как чужое. В определенные моменты Макар Девушкин доходит до формулирования «идей», которые он именует «вольнодумством», хотя в этом образе способность к идеологизации не является приоритетной для характеристики героя. Анализ романа в обозначенном аспекте позволяет обогатить представление о психологизме романов Достоевского и художественной индивидуальности писателя. Результаты предложенного исследования могут использовать преподаватели русской литературы, исследователи творчества Достоевского для развития собственных научных концепций.

К л ю ч е в ы е с л о в а : герой-идеолог; душевный мир; творческое воображение; воображение героя; литературные герои; романы; русские писатели; литературное творчество; литературные жанры.

**THE INNER LIFE OF THE CHARACTERS OF THE NOVEL “POOR PEOPLE”
BY F. M. DOSTOEVSKY: EMOTIONS – IMPRESSIONS – IMAGINATION – IDEAS**

Felix V. Makarichev

Military Institute of Railway Troops and Military Communications of the Military Academy
of the MTO named after General of the Army A. V. Khrulev (Saint Petersburg, Russia)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0811-2034>

Natalya A. Makaricheva

Saint Petersburg State University of Economics (Saint Petersburg, Russia)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0218-825X>

A b s t r a c t . The portrayal of inner life experiences of the characters is an important aspect of F. M. Dostoevsky's oeuvre, as an artist and psychologist. However, in Dostoevsky Studies, the inner world of the writer's characters has

never been considered in terms of the interconnection of emotions, impressions and imagination, which determines the novelty of the study and popularizes the hermeneutic method.

The movements of the soul of Dostoevsky's characters follow a certain paradigm: emotions – impression – imagination – ideas. In some cases, when it comes to such a type as character-ideologist, this can lead to the generation of an idea, its emotional experience at a new level and the submission of a character to their own idea, which may turn into an obsession. The mental experiences of the characters, their emotions and the content of ideas include an evaluation element, which means that in the future they can be considered from the point of view of axiology.

The purpose of this study is to trace on the basis of the analysis of the novel "Poor People" how the mental life of the main characters is depicted: the emotional mismatch between Makar Devushkin and Varen'ka, the impressiveness of each of them and the peculiarity of the work of imagination, stimulated by emotions. Varen'ka is more focused on thoughts about her own fate in the present and past. Makar Devushkin has "too kind a heart", and therefore he is more emotionally responsive to the feelings of another person than Varen'ka. Therefore, he perceives the grief of another person – Gorshkov or Varen'ka – as his own. At certain points, Makar Devushkin arrives at the formulation of "ideas", which he calls "freethinking", although in this image, the ability to ideologize is not more important than characterizing the personage. The analysis of the novel in the indicated aspect allows us to enrich the idea of psychologism of Dostoevsky's novels and the writer's artistic individuology.

The results of the study can be used by teachers of Russian Literature and scholars exploring Dostoevsky's legacy to develop their own scientific concepts.

Keywords: characters-ideologists; inner world; creative imagination; character's imagination; literary characters; novels; Russian writers; literary creative activity; literary genres.

Для цитирования: Макаричев, Ф. М. Душевная жизнь героев романа «Бедные люди» Ф. М. Достоевского: эмоции – впечатления – воображение – идеи / Ф. М. Макаричев, Н. А. Макаричева. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2021. – Т. 26, № 3. – С. 63–75. – DOI: 10.51762/1FK-2021-26-03-06.

For citation: Makarichev, F. V., Makaricheva, N. A. (2021). The Inner Life of The Characters of the Novel "Poor People" by F. M. Dostoevsky: Emotions – Impressions – Imagination – Ideas. In *Philological Class*. Vol. 26. No. 3, pp. 63–75. DOI: 10.51762/1FK-2021-26-03-06.

Эмоциональный мир человека или литературного героя не однажды привлекал внимание специалистов в различных областях знаний. В гуманитарных науках: философии, социологии, психологии и литературоведении, в разное время ставились проблемы, связанные с эмоциями, и решались они на основе различных методологий. История этого вопроса изложена в работе А. Л. Зорина «Появление героя» [Зорин 2016]. Автор особо отмечает вклад Люсьена Февра [Февр 1991] и Яна Плампера [Plamper 2010, 2015] в разработку «истории эмоций».

Достаточно долго оставался открытым вопрос: как связаны «чувства и мысли»? Приоритет, как правило, отдавался началу «разумному»: «„Аффекты“ и „моральные чувства“ <...> всегда понимали как рациональные и сознательные движения души, которые в то же время были теплыми и живыми психологическими состояниями. Неверно предполагать, что до 1970-х годов никто не осознавал, что чувства и мысли всегда были (должны быть) связаны тем или иным способом. Напротив того, это осознавали почти все»

[Зорин 2016: 14]¹. Большинство исследователей считали, что эмоции, как минимум, лишены самостоятельности, «сама способность человека чувствовать так, а не иначе определяется культурой, которой он принадлежит» [Зорин 2016: 10], или, например, любая устойчивая власть навязывает своим подданным специфический «эмоциональный режим» (emotional regime), т. е. набор нормативных эмоций, реализующийся в официальных ритуалах и практиках и системе соответствующих «эмотивов» [Зорин 2016: 11]. А поэтому достаточно долгое время велось «изучение скорее типовых реакций сообществ и групп, чем уникального опыта отдельных личностей» [Зорин 2016: 20]. А. Л. Зорин опирается на понятие «эмоциональные матрицы», которые являются культурнообусловленными: «Набор таких матриц вместе с регламентами их социальной, возрастной и гендерной дистрибуции предлагает культура [Зорин 2016: 20]. И при этом

¹ Курсив здесь и далее повсюду в цитатах (за исключением особо оговариваемых случаев) – наш.

ставит исследовательскую задачу, которая актуальна для литературоведения и приложима к изучению героя произведения, в котором типологическое сочетается с индивидуальным: «Однако цель дойти до эмоционального мира „отдельного человека“ остается пока, на наш взгляд, в значительной степени недостигнутой» [Зорин 2016: 12].

Наибольшее внимание в творчестве Достоевского традиционно уделялось героям-идеологам. Однако собственно героев-идеологов у Достоевского не так много: герой-парадоксалист из «Записок из подполья», Раскольников, Ставрогин и Иван Карамазов. Потенциально к ним могут быть отнесены «подростки»: Ипполит Терентьев, Аркадий Долгорукий и Коля Красоткин. Но любой герой-идеолог не только носитель какой-то идеи. Достоевский «...доказал, что знает жизнь сердца, умеет следить за тончайшими движениями души. Мы с большим сочувствием следовали за ним, и он показал нам чувствующих и мыслящих людей в тех кругах, где таковых обычно не находят...» [Лёве 2013: 639]. Внутренний мир героя намного сложнее, в нем сочетаются переживания, впечатления, в разной степени работает воображение. Чаще всего герой своими мыслями и идеями впечатляется, а затем еще раз эмоционально их переживает. В произведениях Достоевского у героев многое начинается с эмоций, а затем, после осмысления, вновь переживается на новом эмоциональном уровне. Причем это характерно для внутреннего мира любого человека: мы чувствуем больше, чем размышляем, эмоциональный опыт первичен и более разнообразен, чем логическое постижение мира. Персонажей Достоевского, конечно, условно, можно разделить на героев чувствительных, впечатлительных и таких, для которых характерно богатое воображение. Несомненно, что по таким признакам нельзя создать типологию героев писателя. Однако мы вполне обоснованно можем говорить о доминировании чувств, впечатлений или воображения в том или ином герое.

По особенностям душевных движений (эмоции – впечатления – воображение – идеи) персонажей Достоевского, как уже сказано, невозможно различать типологически, но наблюдения за особенностями этих душевных движений способны расширить представления о художественной

индивидуологии писателя [Макаричев 2016]. В то же время всех героев можно разделить по половому признаку, и это также будет продуктивно в свете обозначенной темы, поскольку *герои* и *героини* достаточно серьезно различаются как по душевному складу, так и по динамике внутренних переживаний. Женщины не просто эмоциональны, но они более, чем герои-мужчины, сосредоточены на переживаниях о собственной судьбе, а потому их эмоциональность и впечатлительность не приводят к порождению «идей», как у героев-мужчин [Макаричев 2016: 301]. Потому герои-идеологи у Достоевского – это исключительно мужчины. Это нельзя расценивать как отрицательную характеристику со стороны автора или как недостаток, который писатель хотел подчеркнуть в женщинах. Героини Достоевского примечательны и значимы особыми, женскими чертами характера, женским взглядом на мир. Они эмоциональны и впечатлительны – *иначе*; и воображение у женщин носит иной характер, чем у мужчин.

Внутренний мир героя и его душевные движения могут быть оценены с привлечением аксиологической методологии. Это оправдано, поскольку за эмоциональными реакциями стоят определенные ценностные ориентиры героев. Впечатления, воображение, идеи так или иначе обусловлены аксиологическими нормами и идеалами [Власкин 2012].

Внимание к психологизму Достоевского было и остается неотъемлемой частью исследований творчества писателя. На рубеже XIX–XX веков большой вклад в раскрытие психологических особенностей прозы Достоевского внесли философы и писатели: Н. А. Бердяев, К. Д. Мочульский, С. А. Аскольдов, Д. И. Мережковский и др. Много ценных наблюдений было сделано в рамках психоаналитического подхода («Психоаналитические этюды» А. Л. Бема). Мастерству Достоевского-психолога уделялось внимание в рамках различных научных концепций исследователями нескольких поколений: М. М. Бахтиным, В. Г. Переверзевым, В. Д. Днепровым, Г. С. Померанцем, В. А. Тунимановым, Ю. Ф. Карякиным, С. Г. Бочаровым. Однако, несмотря на богатый опыт изучения психологических особенностей метода Достоевского, в достоеви-

стике до сих пор не было специальных исследований, посвященных анализу внутреннего мира героев с точки зрения соотношения и связи эмоций, впечатлений, воображения и порождения идей. В то же время очевидно, что существует определенная закономерность процесса внутренних переживаний и размышлений: эмоциональность и впечатлительность стимулируют работу воображения, а затем, пройдя этап осмысления, герой приходит к какой-либо идее. Но и это не является последним этапом, поскольку герой не просто порождает идею в процессе мыслительной деятельности, но после переживает ее на новом эмоциональном витке (идея-чувство), оказывается захвачен этой идеей порой до одержимости. В настоящей работе мы уделим внимание закономерностям этих процессов внутренней жизни героев и характеристике этапов этого процесса. Разумеется, возникает еще целый ряд вопросов, которые требуют наблюдений и размышлений: где пролегает граница между воображением автора и героев? Где – между воображением авторским и читательским? Чтобы ответить на эти вопросы нам потребуются герменевтическая методология хотя бы в ограниченных масштабах.

Душевная жизнь персонажей – их эмоции, впечатления, воображения, мысли, – разумеется, неотделима от творческого воображения автора. Однако мы должны учитывать, что воображение автора неизбежно будет превосходить воображение персонажа и являться «избыточным» по отношению к нему. Разница в ракурсе «персонажном» сказывается в том, что мы называем индивидуальностью образов, когда образы героев тоже приобретают некоторую встречную избыточность по отношению к авторскому воображению [Макаричев 2016]. То есть речь может идти о художественной самостоятельности таких героев и о полифонии сознаний в бахтинском смысле. В авторском же ракурсе та же разница сказывается в особенностях писательского метода, которую мы называем художественной избыточностью [Власкин 2014–2015]. Она в первом романе Достоевского, в силу его жанровой, эпистолярной природы, выражена преимущественно в названии и эпиграфе, но не только в них, как мы еще убедимся.

Глубокий эмоциональный потенциал заложен уже в заглавие первого романа Достоевского – «Бедные люди». Жалость является одной из ярких и гуманистических эмоций. Была замечена и возможная перспектива для *идейного* развития смысла этого заглавия [Власкин, Рудакова 2021]. Коротко говоря, оно выражает некоторое авторское впечатление, распространяясь на всех без исключения персонажей романа, в том числе и на материально благополучных. А также заглавие подразумевает генеральное обобщение понятия «люди»: по разным причинам они все «бедные» – не только в социальном, но и в морально-этическом плане («умудрились потерять себя, утратить настоящие ценности, загасить в себе искру божью» [Власкин, Рудакова 2021: 119]). И это можно определить как некую авторскую *идею*, основанную прежде всего на жалости.

Принято считать, что в силу эпистолярной формы «Бедных людей» от автора в романе дано только заглавие. Однако обратим внимание еще и на эпиграф. Для Достоевского-романиста это случай в некотором смысле уникальный. В позднем творчестве писатель использовал эпиграфы лишь дважды, с цитатами из авторитетных для него текстов: из Пушкина и из Евангелия от Луки в «Бесах»; из Евангелия от Иоанна в «Братьях Карамазовых». В «Бедных людях» эпиграф взят из текста В. Ф. Одоевского, с ироничным упреком в адрес современных «сказочников», то есть сочинителей. В этой цитате необходимо отметить принципиально важное для раскрытия обозначенной нами темы описание последовательности внутренних переживаний человека. Приведем ее в значительном сокращении: «Нет чтобы написать что-нибудь полезное, приятное, усладительное, а то всю подноготную в земле вырывают!.. <...> Ну, на что это похоже: читаешь... невольно задумаешься, – а там всякая дребедень и пойдет в голову» [Достоевский 1972: 13]. То есть в эпиграфе уже отмечается определенная логика, по которой происходят изменения в душевных переживаниях героев. Все начинается с предпочтительных эмоций («полезное, приятное, усладительное»), затем фиксируются негативные эмоции и впечатления. Вслед за этим закономерно включается

воображение. И наконец, может прийти и до формулирования возможных *идей* («всякая дребедень и пойдет в голову»). Обратим внимание, что все это конкретно выражено в душевной жизни персонажей первого романа Достоевского.

Как это характерно для большой литературы, эпиграф, наряду с названием, не просто венчает произведение, но задает некоторые закономерности, которые мы можем назвать парадигмой. Она в вариативном виде просматривается фактически во всех письмах Макара Девушкина и Варвары Доброселовой. Доминируют у них эмоции, впечатления, воображение и реже «мысли» в разной очередности и сочетаниях. Так, Макар в своих письмах неоднократно упоминает свои или чужие «мысли», но формулирование «идей» у героя практически не происходит, за очень редким исключением, и мы на эти случаи укажем.

Рассмотрим для примера первые три письма (Макар – Варенька – Макар). Случай для романа уникальный, когда все три достаточно пространственных текста датированы 8-м апреля – своеобразный эпистолярный взрыв. По два письма в день будут датированы единым числом еще дважды в финале, в кризисные для обоих героев моменты прощания. Письма имеют особую значимость в общении Вареньки и Макара Девушкина. Несмотря на то, что встречи героев ограничены, они все же происходят (в церкви, на прогулке и т. д.), и об этом есть упоминания в тексте романа. Но вполне обоснованно можно утверждать, что письма – это и есть главные события во взаимоотношениях Макара и Вареньки. Более того, как верно замечено Т. П. Баталовой, «письма здесь играют не столько информационную роль, сколько литературную <...>. Письма нужны им чаще всего для того, чтобы обменяться впечатлениями о пережитом вместе, о своей прежней жизни» [Баталова 2012: 273].

Письмо Макара и фактически весь роман открывается сверх-эмоционально: «Вчера я был счастлив, чрезмерно счастлив, донельзя счастлив!» [Достоевский 1972: 13]. Однако по логике сюжета эмоции персонажа здесь не первичны, поскольку чрезмерное счастье вызвано впечатлением: «...подымаю глаза, – право, у меня сердце вот так и запрыгало! Так вы-таки поняли, чего

мне хотелось, чего сердчишку моему хотелось! Вижу, уголочек занавески у окна вашего загнут и прицеплен к горшку с бальзаминном, точнехонько так, как я вам тогда намекал» [Достоевский 1972: 13].

Сразу вслед за этим начинается работа воображения Макара Девушкина: «... показало мне, что и личико ваше мелькнуло у окна, что и вы ко мне из комнатки вашей смотрели, что и вы обо мне думали. <...> Однако же в воображении моем так и засветлела ваша улыбочка <...>. ... мне даже показалось, что вы там мне пальчиком погрозили?» [Достоевский 1972: 13–14].

Разыгравшееся воображение вызывает эмоции с новыми оттенками – радость за открытие дополнительного канала коммуникации и гордость за свою идею с занавесочкой. Воображение Девушкина порождает мечтания. Если точнее, то мечтания можно признать усложненной отвлеченными мыслями формой воображения. Макару Девушкину, с его дефицитом позитивных жизненных впечатлений, без мечтаний психологически невозможно было обойтись.

В начале романа обнаруживается ограниченность собственного воображения героя, которое будет восполнено позднее. Сперва он вынужден черпать впечатления из книг, поэтому следует такое признание: «А вот теперь весна, так и мысли всё такие приятные, острые, затейливые, и мечтания приходят нежные; всё в розовом цвете. Я к тому и написал это всё; а *впрочем*, я это всё взял из книжки. Там сочинитель обнаруживает такое же желание в стихах и пишет – Зачем я не птица, не хищная птица! Ну и т. д. Там и еще есть разные мысли, да бог с ними!» [Достоевский 1972: 13–14].

Книжные впечатления Макара развернутся шире и глубже, станут оригинальными и продуктивными, когда он благодаря Вареньке прочитает произведения Пушкина и Гоголя. Но до этого он будет впечатляться сочинениями соседа-графомана Ратзеева. Однако вновь обратимся к первым письмам героев.

Варвара свой ответ начинает с упреков «счастливому» корреспонденту. Во-первых, ей тяжело принимать от него даже мизерные подарки – комнатные цветы и конфеты. В. Н. Захаров об этом верно замечает: «...героиня с первого своего ответа воспротивилась „романтическому“ тону начальное-

го письма Макара Девушкина. Если и есть в переписке „роман“, то только со стороны героя – и это его чувство неразделенной любви. Давно замечено, уже в первых отзывах на роман, что Варенька Добросёлова тайне тяготеет привязанностью Макара Девушкина» [Захаров 1985: 121–122].

Во-вторых, Макар «*донельзя* счастлив», и это можно понимать дословно: «потому что *нельзя* быть счастливым таким» в его положении, для бедняка как бы даже неприлично испытывать счастье. Но Макар Девушкин вопреки всему настроен на лирический лад, и Варвара спешит несколько охладить его душевные порывы: «Ведь, право, *одних стихов и недостает в письме вашем*, Макар Алексеич! И ощущения нежные, и мечтания в розовом цвете – всё здесь есть! Про занавеску и не думала; она, верно, сама зацепилась, когда я горшки переставляла; вот вам!» [Достоевский 1972: 18]. Строго говоря, Варвара несправедлива по отношению к своему собеседнику и даже не очень внимательна, поскольку стихи в письме Макара Алексеича цитируются. Но главное состоит в другом.

Варвара в первом своем ответном письме невольно навязывает Макару Девушкину психологию *несчастливости*: «Неужели ж вы так всю свою жизнь прожили, в одиночестве, в лишениях, без радости, без дружеского приветливого слова, у чужих людей углы нанимая? Ах, добрый друг, как мне жаль вас!» [Там же]. Позднее она выразит это еще отчетливее: «...несчастье – заразительная болезнь. Несчастливым и бедным нужно сторониться друг от друга, чтоб еще более не заразиться» [Достоевский 1972: 65]. Права она или нет в том, что «несчастье заразительно», но по первому ее письму очевидно, что Варвара пытается эмоционально перенастроить счастливого Макара, а возможно и «*заразить*» его.

Примечательно, что общее утро у них начиналось на близкой, позитивной эмоциональной волне. Варвара делает признание: «Мне было так хорошо; Федора давно уже работала, да и мне работу достала». Как видим, важная разница в том, что Макар был счастлив «занавесочкой» и мыслями о Вареньке, а она – швейной работой, которая позволяла зарабатывать немного денег. Но у Вареньки достаточно быстро наступает смена эмоционального состояния, и девуш-

ка переходит к «черным мыслям» о собственной судьбе: «Тяжело то, что я в такой неизвестности, что я не имею будущности, что я и предугадывать не могу о том, что со мной станется. Назад и посмотреть страшно. Там всё такое горе, что сердце пополам рвется при одном воспоминании. Век буду я плакаться на злых людей, меня погубивших!» [Достоевский 1972: 65].

Таким образом, в первых двух письмах уже выражен отчетливо разный настрой героев. Они эмоционально и душевно несогласованы. Заметим, что ближе к финалу романа подобная несогласованность будет доведена автором до кризисного выражения. При этом герои как бы поменяются местами. Варвара будет захвачена мыслями и хлопотами о предстоящей свадьбе с гном Быковым. Макар, которого девушка тоже вовлекает в эти приготовления к свадьбе, периодически будет впадать в отчаяние от «черных мыслей» о близком расставании с Варенькой.

Отповедь Варвары произвела на Макара Алексеича сильное впечатление и эмоционально ввергла его в уныние: «Да; подшутили вы надо мной, стариком, Варвара Алексеевна! Впрочем, сам виноват, кругом виноват! Не пускаться бы на старости лет с клочком волос в амуры да в экивоки... <...> А ведь случается же иногда заблудиться так человеку в собственных чувствах своих да занести околесную. Это ни от чего иного происходит, как от излишней, глупой горячности сердца» [Достоевский 1972: 19]. Единственный признак того, что отповедь корреспондентки Макара обидела и покорбила, можно увидеть в редком для него случае – он единожды в романе обратился к своей собеседнице по имени-отчеству.

Много позднее Варвара даст свою трактовку «горячности сердца». Более того, именно в этой «горячности» она упрекнет Макара Девушкина: «Какой у вас странный характер, Макар Алексеич! Вы уж слишком сильно всё принимаете к сердцу; от этого вы всегда будете несчастнейшим человеком. Я внимательно читаю все ваши письма и вижу, что в каждом письме вы обо мне так мучаетесь и заботитесь, как никогда о себе не заботились. Все, конечно, скажут, что у вас доброе сердце, но я скажу, что оно уж слишком доброе. <...> Если принимать всё чужое так к сердцу и

если так сильно всему сочувствовать, то, право, есть отчего быть несчастнейшим человеком» [Достоевский 1972: 75–76].

Важнейший нюанс в *мыслях* Варвары о «слишком добром» сердце Макара состоит в том, что он будто бы напрасно горячо реагирует на *всё чужое*. Но едва ли это можно принять за нечто вроде самоотвержения со стороны Варвары. Скорее, здесь можно отметить оттенки эгоистичной гордости: «моя беда! Сама буду горевать, и сама справлюсь, или будь что будет!» Макар Девушкин, согласно замыслу Достоевского, раскрывается как принципиально иной характер: «чужая» беда часто воспринимается героем именно как *своя*. Характерна его реакция на судьбу семейства Горшковых. Макар Алексеевич слышит плач ребенка за соседней дверью, а потом пишет Вареньке, что заснуть всю ночь не мог, потому что у него сердце надрывалось от мыслей об этих бедняках.

В свою очередь, Варваре также случилось проводить бессонные ночи от горя – но от *своего*, и не только от горя. Например, она признается в своих дневниковых записях о том, как зарождались ее чувства к студенту Покровскому: «...мы насильно заставили его, несчастного, бедного, о своем лютном жребии вспомнить! Я всю ночь не стала от досады, от грусти, от раскаянья. Говорят, что раскаянье облегчает душу, – напротив. Не знаю, как *примешалось* к моему горю и самолюбию. Мне не хотелось, чтобы он считал меня за ребенка. Мне тогда было уже пятнадцать лет. С этого дня я начала мучить воображение мое, создавая тысячи планов, каким бы образом вдруг заставить Покровского изменить свое мнение обо мне» [Достоевский 1972: 32].

Здесь необходимо обратить внимание на разное отношение героев к воспоминаниям. Особый их статус можно видеть в том, что это память о прежних впечатлениях и ретроспективное, обращенное в прошлое воображение. У Варвары отношение к ним бывает однозначным и часто негативным. У Макара оно сложнее (во втором его письме): «Странное дело – *тяжело, а воспоминания как будто приятные*. Даже что дурно было, на что подчас и досадовал, и то в воспоминаниях как-то очищается от дурного и предстает воображению моему в привлекательном виде» [Достоевский 1972: 19]. Фак-

тически посредством воображения Макар способен облагораживать даже тяжкие, но давние свои впечатления.

Для воспоминаний Варвары Достоевский предусматривает более сложный вариант – он разворачивает их в форме дневниковых записей, которые героиня пересылает Макару. Здесь позволим себе самоцитирование: «Можно предположить, что в ответ на его невысказанные, но горячие, далеко не отцовские чувства она хочет раскрыть ему свою душу, незабываемую историю ее девичьей влюбленности. Ее сердце занято, пусть даже „герой ее романа“, студент Покровский, давно умер. Здесь достоверно автором распознан и открыт глубокий женский инстинкт – потребность засвидетельствовать, что, вопреки нынешнему положению, *и ее любили, и она любила по-настоящему!*» [Макаричева 2019: 24].

К этому наблюдению добавим: воспоминания Варвары, изложенные в ее дневниковых записях, играют сложно-составную роль в романе. Во-первых, в них рассказано о ее детских впечатлениях – сначала о жизни в деревне, затем в столичном Петербурге. Во-вторых, в них раскрыты нюансы ее личной женской судьбы (роль сводни Анны Федоровны, начало взаимоотношений с Быковым). В-третьих, важен выразительный образ Покровского-старшего, судьба которого «откликается» в судьбе Макара Девушкина. В-четвертых, развернут «роман в романе» – история взаимоотношений Варвары с Покровским-младшим. Наконец, находит объяснение очевидное в «Бедных людях» первоначальное превосходство Варвары над Макаром в читательских предпочтениях и общем культурном уровне.

Как становится ясно из дневника героини, на развитие девичьего воображения изначально оказал решающее влияние студент Покровский, который давал ей книги: «...я читала <...> передо мной внезапно открылось много нового, доселе неведомого, незнакомого мне. Новые мысли, новые впечатления разом, обильным потоком прихлынули к моему сердцу. И чем более волнения, чем более смущения и труда стоил мне прием новых впечатлений, тем милее они были мне, тем сластнее потрясали всю душу» [Достоевский 1972: 39].

По ходу переписки проясняются особенности в смене впечатлений и эмоций у

Макара и Варвары. На первый взгляд, решающую роль для обоих играют именно впечатления, которые и определяют эмоциональный фон восприятия. Так это было у Макара, например, в случае с «занавесочкой». Однако пролонгированное влияние мог при этом оказывать сохранявшийся светлый эмоциональный настрой героя после его встречи с Варварой. Японские исследователи, например, обращают внимание на следующее: «В первом своем письме от 8 апреля Девушкин вспоминает о некоем „поцелуе“: „Однако же в воображении моем и засветила ваша улыбочка и на сердце моем было точно такое ощущение, как тогда, как я поцеловал вас“» [Достоевский 1972: 13–14]. Эгава придает этому мотиву большое значение. Согласно его мнению, речь идет о праздновании Пасхи, которое состоялось 26 марта 1844 г., за две недели до даты первого письма Девушкина. «Эмоциональное наполнение этого поцелуя для Девушкина явно превышает обычное его ритуальное значение» [Кино-сита 2013: 217–218].

Героиня тоже позднее признается, что эмоциональный фон, преимущественно депрессивный, у нее зачастую обуславливает восприятие впечатлений: «Я больно, раздражительно чувствую; впечатления мои болезненны. Безоблачное, бледное небо, закат солнца, вечернее затишье – все это, – я уже не знаю, – но я как-то настроена была вчера принимать все впечатления тяжело и мучительно, так что сердце переполнялось и душа просила слез» [Достоевский 1972: 46]. Но это касается реальности, в которой бытие определяет эмоциональное состояние (а потом уже сознание). Иное дело – книжные впечатления Варвары. Во время ее общения с Покровским книжные впечатления доминировали и вели к эмоциям, и это вполне логично и правильно: читать – значит впечатляться. Однако при этом имеется в виду подлинная литература, когда впечатления эмоционально обогащают и развивают¹.

¹ О разном круге чтения героев и их разном читательском вкусе: Шенников Г. К. Достоевский и русский реализм. Свердловск: Изд. Уральского ун-та, 1987. 352 с.; Захаров В. Н. Дебют гения // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений. Канонические тексты. Т. 1. Петрозаводск: Изд. Петрозаводского ун-та, 1995. С. 609–637; Чернова Н. В. Литературные пристрастия

Иной вариант – «ратазиевщина», которой поначалу увлекается Макар. Это ранняя стадия его приобщения к литературе. Когда Варвара как зрелая читательница вполне обоснованно критикует выдержки из сочинений Ратазиева, Макар возражает: «Вы, может быть, без чувства читали, Варенька, или не в духе были, когда читали <...>. Нет, вы прочтите-ка это с чувством, получше, когда вы довольны и веселы и в расположении духа приятном находитесь...» [Достоевский 1972: 56]. То есть, с точки зрения Макара Девушкина, нужно быть эмоционально готовой, позитивно настроиться на восприятие, и в этом случае книги понравятся, и впечатления, как отмечает герой, будут «сладостными».

Заслуга Вареньки в том, что она приобщает Макара Девушкина к подлинной литературе – повестям Пушкина и Гоголя. Восприятие героем «Станционного смотрителя» Пушкина и «Шинели» Гоголя является одним из важнейших художественных и идейно-методологических «узлов» романа Достоевского.

В реакции Макара на «Станционного смотрителя» доминирует прежде всего *сочувствие*, которое заложено и в авторский пафос повести Пушкина: «Ведь я то же самое чувствую, вот совершенно так, как и в книжке, да я и сам в таких же положениях подчас находился...» [Достоевский 1972: 59]. Сильнейшее впечатление подкрепляется и воображением, когда взволнованный Макар уже *домысливает* то, что у Пушкина не было описано: «Меня чуть слезы не прошибли, маточка, когда я прочел, что он спился, грешный, так, что память потерял, горьким сделался и спит себе целый день под овчинным тулупом, да горе пуншиком захлебывает, да плачет жалостно, грязной полою глаза утирая, когда вспоминает о заблудшей овечке своей, об дочке Дуняше!» [Достоевский 1972: 59]. Дело доходит до читательской интерпретации (*воображение – мысль – идея*) и некоего обобщения, от которого возможен переход к идее: «Я сам это видал, – это вот все около меня живет; вот хоть Тереза – да чего далеко ходить! – вот хоть бы и наш бедный чиновник, – ведь

героев Достоевского как способ их характеристики // Достоевский и мировая культура: Альманах. № 23. СПб.: Наука, 2007. С. 107–120; и др.

он, может быть, такой же Самсон Вырин, только у него другая фамилия, *Горшков* (курсив Достоевского). Дело-то оно общее, маточка, и над вами и надо мной может случиться» [Достоевский 1972: 59]. Варвара, при всем своем читательском вкусе, именно так прочесть не умеет и не может. Возможно, поэтому в романе нет упоминаний о восприятии героиней повестей Пушкина и Гоголя, ведь у нее самой не такое «слишком доброе» сердце, как у Макара Девушкина. Можно лишь предполагать, что она скорее посочувствует пушкинской Дуне Выриной, чем ее спившемуся отцу.

Гоголевская «Шинель» оказывает на Макара совершенно другие впечатления, чем повесть Пушкина, во многом потому, что – как ни парадоксально – Акакий Акакиевич еще ближе герою Достоевского, чем Самсон Вырин. Но вместо *сочувствия* предполагается как бы *соучастие* в общей беде, которая интересует сторонних наблюдателей: «Прячешься иногда, прячешься, скрываешься в том, чем не взял, боишься нос подчас показать <...> и вот уж вся гражданская и семейная жизнь твоя по литературе ходит, все напечатано, прочитано, осмеяно, пересужено!» [Достоевский 1972: 63].

Несомненно, это эмоции, вызванные сильным впечатлением. Но теперь Макар испытывает обиду и чувствует негодование. На этом этапе происходит включение воображения героя. Но теперь Макаром Девушкиным предлагается трансформация гоголевского образа и сюжета: «А лучше всего было бы не оставлять его умирать, беднягу, а сделать бы так, чтобы шинель его отыскалась, чтобы тот генерал, узнавши подробнее об его добродетелях, перепросил бы его в свою канцелярию, повысил чином и дал бы хороший оклад жалованья...» [Достоевский 1972: 63].

Таким образом, Макар воспринимает «Шинель» как дополнительное и потому жестокое ущемление и без того страдающей собственной амбиции, как *разоблачение*. Эти впечатления героя явно обусловлены творческой реакцией самого молодого Достоевского на произведения своих кумиров, Пушкина и Гоголя. Его оригинальные впечатления от «Станционного смотрителя» и «Шинели» стимулируют авторское воображение, реализованное в отзывах героя, Макара Девушкина.

А пока что от книжных впечатлений Макара вернемся к его восприятию событий, описанных в романе. Они различны, но, как правило, душевные движения героя проходят следующие этапы: *эмоции – впечатление – воображение – мысли*. Достаточно часто Макар называет мысли «вольнодумными». Вот, например, он в очередной раз переживает за свою Вареньку (эмоции) – затем сравнивает ее со знатными дамами в каретах (впечатление и воображение) – и, наконец, формулируется важная, острая мысль о несправедливости жизни: «зачем одному еще во чреве матери прокаркнула счастье ворона-судьба, а другой из воспитательного дома на свет божий выходит?» [Достоевский 1972: 86]. До идей у Макара доходит редко, но доходит. Идеей можно считать мысль, выраженную в лаконичной и обобщающей формулировке. На такое изредка оказывается способен и Макар, но называет это «иносказательностью». Как, например, в таком случае: «...в каком-нибудь дымном углу, в конуре сырой <...> мастеровой какой-нибудь от сна пробудился; а во сне-то ему, примерно говоря, всю ночь сапоги снились, что вчера он подрезал нечаянно... <...> и богатеишему лицу все те же сапоги, может быть, ночью снились, <...> ибо в смысле-то, здесь мною подразумеваемом, маточка, *все мы, родная моя, выходим немного сапожники*» [Достоевский 1972: 88]. И далее Макар Девушкин продолжает размышления о равнодушии и эгоизме: «нет человека, который бы шепнул ему на ухо, что „полно, дескать, о таком думать, о себе одном думать, для себя одного жить <...>, оглянись кругом, не увидишь ли для забот своих предмета более благородного, чем свои сапоги!“» [Достоевский 1972: 89].

В этой пространной цитате курсивом мы выделили подлинно идейную формулировку героем заветной его мысли о равенстве всех людей в их заботах, оправданных и неоправданных. И это возвращает нас к тому, чем открывалась настоящая глава, – к идейной перспективе подспудного смысла всего романа: *бедные люди!*

Показательно, что Макар при этом как бы закрепляет за собой «авторское право» на такую идею: «Нет, маточка, вы разуверьтесь, – не то: клеветой гнушаюсь, хандра не находила и ни из какой книжки ничего не выписывал, – вот что!» [Достоевский 1972: 88–89].

Здесь было уже указано, что у Макара и Варвары душевные движения, как правило, рассогласованы, хотя на первый взгляд проходят по сходным этапам. Очередной яркий пример этого находим в двух сентябрьских письмах героев. Волны эмоциональной тревоги в них почти совпадают по времени. Варвара пишет: «Я вся в ужасном волнении. <...> Я что-то роковое предчувствую. Вот посудите сами, мой бесценный друг: господин Быков в Петербурге» [Достоевский 1972: 96]. Далее следует рассказ о том, как этот «роковой» персонаж с неясными еще целями расспрашивал о ее нынешнем положении, в том числе и о роли в ее судьбе Макара. Это уже – предвестие тревожных перемен для обоих.

Тем более показательно, что в следующем же письме у Макара нет ни слова про Быкова и никакого предчувствия роковых перемен в их пока еще совместной судьбе. Он делится своим эмоциональным волнением совсем по другому поводу – судьбы Горшкова, который выиграл судебное дело. Казалось бы, произошла счастливая перемена в участи человека. Однако пострадавший от нищеты, перенесший недавнюю смерть ребенка сосед Макара не вынес эмоционального потрясения: «...умер, маточка, умер Горшков, внезапно умер, словно его громом убило! *А отчего умер – бог его знает.* Меня это так сразило, Варенька, что я до сих пор опомниться не могу. Не верится что-то, чтобы так просто мог умереть человек» [Достоевский 1972: 98–99].

Возможно, автором предполагалось, что Горшков умер от *эмоционального* потрясения – слишком радикальным и потому роковым для него оказался перепад переживаний, от дряхлых несчастий до внезапного счастливого исхода его судебных дел. *Умер от эмоций* – здесь было чему поразиться впечатлительному Макару Девушкину. Вот почему это трагичное событие *чужой, но близкой ему судьбы* временно заслонило для героя тревоги Вареньки. Здесь тоже есть место провиденциализму Макара, как и в случае восприятия им судьбы Самсона Вырина. В полной мере это проветрится в финальных письмах героя.

Покидаемый Варварой Макар поначалу пытается солидаризироваться с ней хотя бы на эмоциональном уровне: «Ну, будьте счастливы, маточка! Я рад; да, я буду рад,

если вы будете счастливы» [Достоевский 1972: 105]. Однако долго он такой тон выдержать не способен, и центральной темой следующего, уже финального письма оказывается отчаяние: «Кого же я маточкой называть буду; именем-то любезным таким кого называть буду? Где мне вас найти потом, ангельчик мой? Я умру, Варенька, непременно умру; не перенесет мое сердце такого несчастья!» [Достоевский 1972: 107].

Примечательно, что последнее письмо Макара обращено как будто «в никуда»: в нем нет ни даты, ни адреса. Конечно, Макар Девушкин, действительно не знает, где искать Вареньку после свадьбы с Быковым. Но отсутствие даты и адреса имеет и символическое значение: пространство и время как будто разомкнуты и слова Макара Алексеевича обращены уже ко всем читателям, и в этом проявляется уже воля самого автора – Достоевского.

Здесь уместно вспомнить слова Н. Я. Берковского о знаменитом чеховском рассказе: «Ванька надписывает свое письмо, через которое, он надеется, будет он услышан и спасен: на деревню дедушке. <...> С адресом Ванька сделал печальнейший промах. <...> До дедушки Константина Макарыча письмо не дошло, до нас – дошло, уже сменилось несколько поколений, и до всех оно доходит» [Берковский 1985: 260]. По той же закономерности *до всех доходит* трагедия Макара Девушкина, которая пронзительно звучит в его последнем письме.

Это письмо Макара перекликается с недописанным письмом Вареньки. Когда Макар приходит в комнату Вареньки, уже покинутую ее хозяйкой, он находит начатое и неоконченное ею письмо: «В столике нашел бумажки листочек, а на бумажке написано – „Милостивый государь, Макар Алексеич, спешу“ – и только» [Достоевский 1972: 105]. Но роман заканчивается другим письмом Варвары, в котором есть такое прощальное пожелание: «Вам нужно будет теперь отвыкать от меня! Как вы одни здесь останетесь! <...> Оставляю вам книжку, пяльцы, начатое письмо; *когда будете смотреть на эти начатые строчки, то мыслями читайте дальше все, что бы хотелось вам услышать или прочесть от меня, все, что я ни написала бы вам; а чего бы я ни написала теперь!* Вспоминайте о бедной вашей Вареньке, которая вас так крепко любила» [Достоев-

ский 1972: 106]. То есть Варвара прямо советует Макару от чувств переходить к воображению («мыслями читайте дальше все, что бы хотелось вам услышать или прочесть от меня»), чтобы заполнить надвигающуюся после разлуки пустоту. Эта недописанная строчка письма Варвары, открытая в пер-

спективу воображения, переключается с последним безадресным письмом Макара. Иносказательно ее письмо может бесконечно «домысливаться» и «дописываться» одиноким тоскующим Макаром, а его письмо – вечно искать адресата.

Литература

- Баталова, Т. П. Роман Ф. М. Достоевского «Бедные люди»: к поэтике сюжета / Т. П. Баталова // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. – 2012. – № 1. – С. 271–276.
- Берковский, Н. Я. О русской литературе : сб. статей / Н. Я. Берковский. – Л. : Худож. лит., 1985. – 260 с.
- Берсенева, В. А. Рецепция «Повестей покойного Ивана Петровича Белкина» А. С. Пушкина в романе Ф. М. Достоевского «Бедные люди»: образы и мотивы / В. А. Берсенева // Вестник Томского государственного университета. – 2018. – № 431. – С. 12–18.
- Буяновская, В. И. «Бедные люди» Ф. М. Достоевского как диалог старого и нового слова / В. И. Буяновская // Studia Litterarum. – 2018. – Т. 3, № 4. – С. 152–169.
- Власкин, А. П. Аксиологическая составляющая художественного мира романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» / А. П. Власкин // Достоевский: Философское мышление, взгляд писателя. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2012. – С. 400–410.
- Власкин, А. П. Художественная избыточность романного творчества Достоевского и «Вечный муж» / А. П. Власкин // The Dostoevsky Journal: An Independent Review. Vols. 14–15. – Charles Schlacks Publisher Idyllwild, California, 2014–2015. – P. 41–51.
- Власкин, А. П. Метасмыслы заглавий романов Достоевского / А. П. Власкин, С. В. Рудакова // LIBRI MAGISTRI. – 2021. – Вып. 2 (16). – С. 117–127.
- Достоевский, Ф. М. Полное собрание сочинений : в 30 т. Т. 1 / Ф. М. Достоевский. – Л. : Наука, 1972. – 519 с.
- Захаров, В. Н. Дебют гения / В. Н. Захаров // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений. Канонические тексты. Т. 1. – Петрозаводск : Изд. Петрозаводского ун-та, 1995. – С. 609–637.
- Зорин, А. Л. Появление героя. Из истории русской эмоциональной культуры конца XVIII – начала XIX века / А. Л. Зорин. – М. : НЛО, 2016. – 366 с.
- Киносита, Т. Восприятие и изучение творчества Достоевского в Японии за последние 40 лет в свете истории восприятия творчества писателя с конца XIX в. / Т. Киносита // Достоевский: Материалы и исследования. Т. 20. – СПб. : Нестор-история, 2013. – С. 194–219.
- Комментарий к публикации: Лёве Ф. «Бедные люди». Роман (в письмах) Ф. М. Достоевского «Die armen Leute». Roman (In Briefen) von F. M. Dostojewski (Sankt-Petersburgische Zeitung. – 1846. – 15–18 (27–30) August. – No. 183–186. – P. 737–751) // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 20. – СПб. : Нестор-история, 2013. – С. 648–652.
- Макаричев, Ф. В. Художественная индивидуология Ф. М. Достоевского / Ф. В. Макаричев. – СПб. : ЭлекСис, 2016. – 374 с.
- Макаричева, Н. А. Художественная гендерология в творческих исканиях Ф. М. Достоевского / Н. А. Макаричева. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2019. – 301 с.
- Февр, Л. Чувствительность и история / Л. Февр // Февр Л. Бои за историю. – М. : Наука, 1991. – С. 109–125.
- Чернова Н. В. Литературные пристрастия героев Достоевского как способ их характеристики / Н. В. Чернова // Достоевский и мировая культура: Альманах. № 23. – СПб. : Наука, 2007. – С. 107–120.
- Plamper, J. Emotions in History / J. Plamper. – Oxford : Oxford University Press, 2015. – 352 p.
- Plamper, J. The History of Emotions: An Interview with William Reddy, Barbara Rosenwein and Peter Stearns / J. Plamper // History and Theory. – 2010. – Vol. 49, № 2. – P. 237–265.

References

- Batalova, T. P. (2012). Roman F. M. Dostoevskogo «Bednye lyudi»: k poetike syuzheta [Novel by F. M. Dostoevsky "Poor People: to the Poetics of the Plot]. In *Vestnik KGU im. N. A. Nekrasova*. No. 1, pp. 271–276.
- Berkovsky, N. Ya. (1985). *O russkoi literature [About Russian Literature]*. Leningrad, Khudozhestvennaya literatura. 260 p.
- Berseneva, V. A. (2018). Retseptsiya «Povestei pokojnogo Ivana Petrovicha Belkina» A. S. Pushkina v romane F. M. Dostoevskogo «Bednye lyudi»: obrazy i motivy [Reception of "The Tales of the Late Ivan Petrovich Belkin" by A. S. Pushkin in the Novel by F. M. Dostoevsky "Poor People": Images and Motives]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 431, pp. 12–18.
- Buyanovskaya, V. I. (2018). «Bednye lyudi» F. M. Dostoevskogo kak dialog starogo i novogo slova ["Poor People" F. M. Dostoevsky as a Dialogue between the Old and the New Word]. In *Studia Litterarum*. Vol. 3. No. 4, pp. 152–169.
- Chernova N. V. (2007). Literaturnye pristrastiya geroev Dostoevskogo kak sposob ikh kharakteristiki [Literary Predilections of Dostoevsky's Heroes as a Way of Characterizing Them]. In *Dostoevskii i mirovaya kul'tura: Al'manah*. No. 23. Saint Petersburg, Nauka, pp. 107–120.
- Dostoevsky, F. M. (1972). *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 t.* [The Complete Set of Works, in 30 vols.]. Vol. 1. Leningrad, Nauka. 519 p.
- Fevr, L. (1991). Chuvstvitel'nost' i istoriya [Sensitivity and History]. In Fevr, L. *Boi za istoriyu*. Moscow, Nauka, pp. 109–125.
- Kinosita, T. (2013). Vospriyatie i izuchenie tvorchestva Dostoevskogo v Yaponii za poslednie 40 let v svete istorii vospriyatiya tvorchestva pisatelya s kontsa XIX v. [Perception and Study of Dostoevsky's Work in Japan over the Past 40 Years in the Light of the History of Perception of the Writer's Work since the End of the 19th Century]. In *Dostoevskii: Materialy i issledovaniya*. Vol. 20. Saint Petersburg, Nestor-istoriya, pp. 194–219.
- Komentarii k publikatsii: Leve F. «Bednye lyudi». Roman (v pis'makh) F. M. Dostoevskogo «Die armen Leute». Roman (In Briefen) von F. M. Dostojewski (Sankt-Petersburgische Zeitung. – 1846. – 15–18 (27–30) August. – No. 183–186. – P. 737–751) ["Comments on the Publication: Loewe F. "Poor People". Novel (in letters) by F. M. Dostoevsky "Die armen Leute". Roman (In Briefen) von F. M. Dostojewski (Sankt-Petersburgische Zeitung. 1846. 15–18 (27–30) August. No. 183–186. S. 737–751)]. // In *Dostoevskii: Materialy i issledovaniya*. Vol. 20. Saint Petersburg, Nestor-istoriya, pp. 639–650.
- Makarichev, F. V. (2016). *Khudozhestvennaya individologiya F. M. Dostoevskogo [Artistic Individuology of F. M. Dostoevsky]*. Saint Petersburg, ElekSis. 374 p.
- Makaricheva, N. A. (2019). *Khudozhestvennaya genderologiya v tvorcheskikh iskaniiakh F. M. Dostoevskogo [Artistic Gender Studies in F. M. Dostoevsky]*. Saint Petersburg, Izdatel'stvo SpbGU. 301 p.
- Plamper, J. (2010). The History of Emotions: An Interview with William Reddy, Barbara Rosenwein and Peter Stearns. In *History and Theory*. Vol. 49. No. 2, pp. 237–265.
- Plamper, J. (2015). *Emotions in History*. Oxford, Oxford University Press. 352 p.
- Vlaskin, A. P. (2012). Aksiologicheskaya sostavlyayushchaya khudozhestvennogo mira romana F. M. Dostoevskogo «Prestuplenie i nakazanie» [The Axiological Component of the Artistic World of F. M. Dostoevsky's "Crime and Punishment"]. In *Dostoevskii: Filosofskoe myshlenie, vzglyad pisatelya*. Saint Petersburg, Dmitrii Bulanin, pp. 400–410.
- Vlaskin, A. P. (2014–2015). Khudozhestvennaya izbytochnost' romannogo tvorchestva Dostoevskogo i «Vechnyi muzh» [Artistic Redundancy of Dostoevsky's Novels and "The Eternal Husband"]. In *The Dostoevsky Journal: An Independent Review*. Vols. 14–15. Charles Schlacks Publisher Idyllwild, California, pp. 41–51.
- Vlaskin, A. P., Rudakova, S. V. (2021). Metasmysly zaglavii romanov Dostoevskogo [Meta-Meanings of the Titles of Dostoevsky's Novels]. In *LIBRI MAGISTRI*. Issue 2 (16), pp. 117–127.
- Zakharov, V. N. (1995). Debyut geniya [Debut of a Genius]. In *Dostoevsky, F. M. Polnoe sobranie sochinenii. Kanonicheskie teksty*. Vol. 1. Petrozavodsk, Izdatel'stvo Petrozavodskogo universiteta, pp. 609–637.
- Zorin, A. L. (2016). *Poyavlenie gerova. Iz istorii russkoi emotsional'noi kul'tury kontsa XVIII – nachala XIX veka [The Appearance of the Hero. From the History of Russian Emotional Culture of the Late 18th – Early 19th Centuries]*. Moscow, NLO. 366 p.

Данные об авторах

Макаричев Феликс Вячеславович – доктор филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Военный институт Железнодорожных войск и военных сообщений Военной академии материально-технического обеспечения имени генерала армии А. В. Хрулёва (Санкт-Петербург, Россия).
Адрес: 198504, Россия, Санкт-Петербург, Петергоф, ул. Суворовская, 1.
E-mail: spbfell@mail.ru.

Authors' information

Makarichev Felix Vyacheslavovich – Doctor of Philology, Associate Professor of Department of Foreign Languages, Military Institute Railway Troops and Military Communications of the Military Academy of Logistics named after Army General A. V. Khrulev (Saint Petersburg, Russia).

Макаричева Наталья Александровна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы, Санкт-Петербургский государственный экономический университет (Санкт-Петербург, Россия).

Адрес: 191023, Россия, Санкт-Петербург, наб. канала Грибоедова, 30/32.

E-mail: 812natally@mail.ru.

Makaricheva Natalya Alexandrovna – Doctor of Philology, Professor of Department of Russian Language and Literature, Saint Petersburg State University of Economics (Saint Petersburg, Russia).